

33. Skwarczynska S. Wstep do nauki o literaturze.
Warszawa, 1965. T.3. 34. Woycicki K. Historia literatury
i poetyka. Warszawa, 1914.

Стаття надійшла до редколегії 10.06.92

S u m m a r y

The subject matter of the article is a conceptional approach to the analysis of genre in axiological projection which is worked out in modern genology, first of all the conception of the differentiation of genres in axiological plane suggested by M.Kagan. The attention is paid to the attempts of differentiating genres which are based on connecting them with a certain type of values - ethical, moral, intellectual. Under investigation is a complex of problems having the following direction: pathos - genre, genre - aesthetical ideal, genre - style, the practice of hierarchisation of genres.

Т.П.Маевская, проф.,
Нежинский пединститут

О ПОЭТИКЕ ПРОЗЫ И.С.ШМЕЛЕВА И Н.С.ЛЕСКОВА
/К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ/

Поэтическое начало, приходящее русской литературе конца XIX-начала XX ст., во многом сказалось на своеобразии реализма этого периода, на тех качественных изменениях, которые претерпевает реалистическое искусство в движении времени. В связи с этим уникальным явлением русской прозы в целом безусловный интерес представляет творчество И.С.Шмелева и Н.С.Лескова, прозаиков, близких по поэтичности и самобытности русского искусства слова и художественному воссозданию русского национального характера. Эти писатели, продолжая гоголевскую традицию поэтической прозы, создали великолепные ее образцы...

© Маевская Т.П., 1993

В контексте данной статьи поэтическая проза рассматривается в русле традиционной прозы, ее внутренних возможностей. Это понятие не соотносится с лирическим родом, оно означает не родовое, а стилевое явление.

Поэтическая проза имеет свою прочную традицию. Прежде всего — Гоголь. Андрей Белый писал: "Весь размах лирики, данный ритмами, от которых себя отвлекает в прозе Пушкин, вложил Гоголь в прозу, заставил задрожать, как струны, вытянутые свои строки, дающие звук ассонансов и аллитераций... Гоголь же и волнует, и удивляет нас через сто лет; и это есть факт им осуществленной победы, граничащей с революцией нашей словесности" [4, с. 5]. Можно обратиться к более ранним истокам поэтической прозы. Это стихи Библии и их переводы. Книга Песни Песней. Произведения древнерусской литературы, такое ее поэтическое творение, как "Слово о законе и благодати" Илариона.

Для поэтической прозы характерно философское осмысление мира, обращение к идеальным и ценным ценностям и прежде всего к духовности человека, его высокому назначению. Одной из существенных примет поэтической прозы, если воспользоваться определением категории "высокого, возвышенного" в работе Канта "Критика способности суждения" / § 27 /, является образное воплощение мысли о такой "способности духа, которая превышает всякий масштаб внешних чувств".

К поэтической прозе обращались многие писатели мировой литературы. "Кто из нас в дни, когда нами овладевает гордыня, — писал Бодлер об Алонзисе Бертроне, — не мечтал о чуде поэтической прозы — музыкальной без ритма и рифмы, достигающей очно гибкой и в то же время настолько неровной, чтобы она могла следовать за лирическими движениями души, волнами мечтаний и порывами совести?" [2, с. 244-245].

Это "чудо поэтической прозы" нашло воплощение в стихотворениях в прозе Бертрона и Бодлера, Эдгара По и Малларме, в русской литературе прежде всего можно назвать Тургенева, Гаршина, Короленко и многих других прозаиков конца XIX — начала XX ст. Тургеневские "Стихотворения в прозе" получили мировой резонанс, они опираются на национальную традицию и типологически сопоставимы с западноевропейской и, в сущности, ознаменовали новое жанровое образование. Нельзя не согласиться с венгерским литературоведом Ж. Зельдхейм-Деак, которая, рассматривая жанровую структуру цикла "Стихотворений

в прозе" Тургенева, констатирует: "...Следуя традициям Брюсова и Тынянова, большинство современных советских исследователей считают этот жанр прозаическим" [7, с. 190]. Вопрос о природе ритмизации прозы во многом спорный и, безусловно, представляет несомненный научный интерес. Что касается данной статьи, то в ней не затрагивается стиховедческий аспект исследования.

Поэтическая проза — это не только стихотворения в прозе, это и также фрагменты традиционной прозы, для которых характерна тенденция к ритмической организации, метафоричности, синтетичности образов, и, безусловно, которым свойственна лирическая тональность и музыкальность.

Подобные явления в традиционной прозе привлекали внимание многих исследователей. Природа этих явлений с различных точек зрения исследуется в работах Б.Эйхенбаума, А.Жовтиса, Н.Балашова, Т.Сильман. К этому вопросу обращается и зарубежное литературоведение, например, Ж.Зельдхейи-Деак, С.Мак-Лафлин.

Необходимо остановиться на различной интерпретации возможной вариативности включения стихотворений в прозу в текст эпического повествования, поскольку наблюдения особенностей поэтики прозы Лескова и Шмелева в какой-то мере отталкивались от исследований названных выше ученых. Так, Ж.Зельдхейи-Деак, утверждая, что стихотворения в прозе "являются осознано и принципиально самостоятельными, замкнутыми в себе произведениями", оспаривает точку зрения тех ученых, которые "считают отдельные части произведений традиционной прозы стихотворениями в прозе" [7, с. 191]. Например, размышления князя Андрея при виде одинокого старого дуба в "Войне и мире", которые Б.Эйхенбаумом возведены в ранг "лирической вставки", "стихотворения в прозе" [12, с. 182]. Начало "Страшной мести" Гоголя А.Жовтис определяет как "стихотворение в прозе" [6, с. 122]. По словам Зельдхейи-Деак, С.Мак-Лафлин относит некоторые эпизоды многих тургеневских произведений — "Призраки" и "Довольно", строки о молодости в "Первой любви", описание душевного состояния Елены в финале "Накануне", эпилог "Отцов и детей", пролог "Вешних вод" — к стихотворениям в прозе [7, с. 191].

Не оспаривая утверждения Зельдхейи-Деак о жанровой самостоятельности стихотворений в прозе, все же можно не согласиться с ее отрицанием возможной стилевой общности собственно стихотворений в прозе и лирических вставок или стихотворений в прозе, включенных в эпическое повествование.

Небезынтересно обратиться к наблюдениям Н.И.Балашова над поэтикой, по его же терминологии, "элементов стихотворения в прозе", по позднейшему определению, — просто "стихотворение в прозе", в эпическом тексте Л.Толстого, начиная от автобиографической трилогии и заканчивая "Хаджи Муратом" / I, с. 297-325; 3, с. 146-153 /. Толстовские стихотворения в прозе, включенные в эпическое повествование, рассматриваются Балашовым в основном на уровне авторской внутренней речи. В качестве классического примера ученый приводит "думы князя Андрея" о высоком, бесконечном небе после ранения под Аустерлицем "как стихотворение в прозе созерцательно-пейзажного характера и как своего рода авторский внутренний монолог на уровне лирической синкретичности" / I, с. 308 /.

Такие явления Т.Сильман называет "лирическими вставками в прозаическом тексте" и рассматривает их в стилевом аспекте, на уровне музыкально-лирической окраски / 9, с. 190 /. Т.Сильман справедливо подчеркивает, что эти лирические вставки представляют собой "особым образом организованную лирическую прозу" / 9, с. 190-191, 201-203 /, заметим, структурные черты которой проявляются в виде тенденции, не переходя за границы прозы.

Представляется возможным увидеть в выше приведенных наблюдениях ученых, несмотря на некоторую полемичность, подтверждение такого стилового явления в поэтике русского реализма как поэтическая проза, к которой относятся стихотворения в прозе как самостоятельный жанр и как фрагменты, включенные в текст эпического повествования.

Поэтическая проза открывает неограниченные возможности для проникновения в духовный мир человека. Именно эта особенность способствовала ее активному включению, не ограниченному жанровыми канонами, в систему русского реализма. Можно говорить о триединстве поэтической прозы: человек, стоящий в центре всей русской литературы, действительность, природа.

Стихотворения в прозе, лирические вставки в прозаическом тексте — одна из ярких примет поэтики лесковских произведений. "Детские годы", "Путимец. Из апокрифических рассказов о Гоголе", в сущности, весь цикл о праведниках и чудаках — легенды "действительные" и "апокрифические" и многие другие произведения писателя.

Стихотворение в прозе находим во "Владычном суде" /1876/ — жестокой лесковской вещи о страданиях человека, драматической судьбе мальчика-кантониста. С драматическими жизненными обстоятель-

вами как бы контрастирует лирическая миниатюра о природе и ее единении с миром и человеком: "Таких очаровательных теплых дней, совершенно неожиданно прорывающихся среди зимней стужи, я нигде не видал, кроме нашей Украины, и преимущественно в самом Киеве... Это почти что-то феноменальное, — это какой-то каприз, шалость, заигрывание, атмосферная шутка с землей, — и земля очень весело на нее улыбается: в людях больше мира и благоволения" [8, т. 6, с. 119].

Столь же поэтично исполненные глубочайшего трагизма взаимоотношения человека и природы в произведении "Солнце мертвых" /1923/ Шмелева: "Цветет миндаль. Голые деревья — в розовато-белой дымке. В тени, под туей, распустились подснежники — из белого фарфора будто. На луговинках золотые крокусы глядятся, выпали дружно. Потеплее где, в кустах, — фиалки начинают пахнуть... Весна? Да, идет весна.

Черный дрозд запел... К морю повернется — сплет морю, и виноградникам, и далам... Тихие, грустные вечера весной. Поет он грустное. Слушают деревья в белой дымке, задумчивые. Сплет к горам — на солнце. И пустырю сплет, и нам, и домику, грустное такое, нежное... Здесь у нас пустынно, — никто его не потревожит...

Вот уже и ночь. Дрозд замолчал. Зарей опять начнет... Мы его будем слушать — в последний раз" [II, с. 77-78].

"Солнце мертвых", как известно, принесло Шмелеву мировую славу. Писатель назвал это произведение эпопеей. В литературе также отмечен его "масштабный, эпический характер", несмотря на композиционную мозаичность [II, с. 12]. Вместе с тем шмелевское произведение поэтично и лирично. И эта особенность заложена в названии. Структуру трагического произведения Шмелева, глубоко личного, можно представить таким образом: его эпичность — ствол дерева, поэтичность, лиризм — его крона. В названиях отдельных фрагментов, как бы закодировано "высокое" содержание, философский смысл: "Хлеб с кровью", "Тысячи лет тому...", "Три конца", "Конец концов".

Что касается "Лета Господня" Шмелева, то это апофеоз поэтической прозы, ее вершина в творчестве писателя. В этом творении писателя как бы в девственной чистоте представлено триединство: человек, действительность, природа.

Небезынтересно сопоставить шмелевскую повесть "Неупираемая Чаша" /1918/ с лесковским рассказом "Несмертельный Голован" /1880/. Эти произведения посвящены человеку высокой нравственности, большой

одаренности — великому труженику. Несмертельный Голован в одноименном рассказе Лескова — бывший крепостной, который посвятил свою жизнь служению людям. Илья Шаронов, герой "Неупиваемой Чашы" — крепостной живописец. Эти образы покоряют своей цельностью, внутренней красотой, правду жизни находят в христианских идеалах. Они беззаветно преданы народу и родине. Незаурядные, талантливые, душевно чистые, близкие природе, они всем своим нравственным строем противостоят действительности. Натуры глубоко поэтичные и вместе с тем реальные.

Герои Шмелева и Лескова — "положительные типы русской жизни" /М.Горький/. В них нашла художественное воплощение идея Ф.М.Достоевского о "положительно прекрасном человеке". Характеризуя философскую и этическую сущность шмелевского и лесковского героя, можно обратиться уже к выше приведенному определению Кантом категории "высокого", "возвышенного".

И Лесков, и Шмелев в душевном строе своих героев воплотили мысль о такой "способности духа, которая превyšшает всякий масштаб внешних чувств".

Что определило жизненный и творческий путь Ильи Шаронова. Он свято следовал напутствию, которое получил от своего учителя живописи в Италии — русского художника Ивана Михайловича: "Помни, Илья, народ породил тебя — народу и послужить должен. Сердце свое слушай" [10, с. 204]. Перед Шароновым открывается возможность остаться в Италии и перспектива свободы и славы. Но все это меркло, когда "до тоски тянула душа на родину": "Помнил Илья тихие яблочные сады по весне, милую калину, как снегом, заметенные черемухи и убранные ягодами раскидистые рябины. Помнил синие колокольники на лесных полянах... И снеговые сугробы помнил, вьюжные пути и ледяные навесы в соснах. Помнил гул осенних лесов, визг и скрип санный в полях, и звонкий, и гулкий, как колокол, голос мороза в брезнах. Весенние грозы в светлых полях и ласковую, милую с детства радугу..." [10, с. 206-207].

Перед нами стихотворение в прозе со своими стилистическими особенностями: повторы, сравнение, поэтическая метафора. "...Гулкий, как колокол, голос мороза в брезнах", — ведь это образ истинной поэзии, это поэзия в прозе и — вместе с тем — проза. Немало можно привести подобных примеров, которые воссоздадут мир шмелевской прозы.

Поэтическая проза более, нежели традиционная, склонна к яркой поэтической метафоре, аллегории, символу, ей не чужды синтаксические повторы, параллелизмы, аллитерации.

"Неупиваемая Чаша", по словам О. Михайлова, "...грустный сказ о жизни, или, скорее, о житии Ильи Шаронова, сына дворового маляра Терешки и тягловой Душки Тихой", который "напоен и в самом деле подлинной поэзией" [10, с. 16].

Все картины "Неупиваемой Чаши", связанные с трагической жизненной ситуацией героя, его творческим духом и драмой любви, проникнутые лиризмом и поэзией. Им свойственна поэтическая образность и своеобразная шмелевская сказовая форма повествования и в конечном итоге — они легендарны.

Илья Шаронов — это тот же лесковский праведник, человек-легенда. Шмелевский герой и лесковский Нессмертельный Голован сопоставимы в главном — это высота духа, народное признание и бессмертие.

О Нессмертельном Головане читаем: "Он сам почти миф, а история его — легенда" [8, т. 6, с. 351].

Илья Шаронов стал "нессмертельным", создав необычную икону "Неупиваемая Чаша". Хотя он "живописал Пречистую с чашей как мученицу, и без Младенца", нарушив этим уставное ликописание, ее тайный смысл был разгадан: "Чаша сия и есть Младенец. Писали древние христиане знаком: писали Рыбу и Дверь, и Лозу Виноградную, — знамение сокровенное от злых" [10, с. 235]. Народ наименовал ее по-своему — "Упиваемая Чаша". По народному поверью, она была чудотворной, исцеляла людей: у глядевших на нее "радость исходила в душу".

О Нессмертельном Головане людская легенда гласила, что он не пожалел "теплой крови своей за народую" и спас народ от мора, от язвы: "Изболясь за людей, бросил язве шмат своего тела на тот конец, чтобы он прошел жертвией по всем русским рекам из малого Орлика в Оку, из Оки в Волгу, по всей Руси великой до широкого Каспия, и тем Голован за всех отстрадал, а сам он от этого не умрет... Он человек нессмертельный" [8, т. 6, с. 366, 371].

И когда Нессмертельный Голован совершил свой легендарный подвиг, народ избавился от мора, возвратился к жизни вместе с весенним возрождением природы: "...Поля и луга уклочились густой зеленью, и привольно стало по ним разбегать молодому Егорию светлохраброму, по локоть руки в красном золоте, по колени ноги в чистом серебре, во лбу солнце, в тылу месяц, а по концам звезды переходящие. Отбелились холсты свежей вьюею росой, выехал вместо витязя Егория в

поле Иеремия пророк с тяжелым ярмом, волоча сохи да борони, засвистали соловьи в Борисов день, утешая мученика, стараниями святой Мавры засинела крепкая рассада, прошел Зосима святой с долгим костылем, в набалдашнике пчелиную матку пронес; минул день Ивана Богословца, "Николина батюшки", и сам Никола отпразднован, и стал на дворе Симон Зилот, когда земля именинница" [8, т. 6, с. 371]. Поистине поэтическая картина именин земли. Она как бы соткана из образов, вятых из кристалльных источников народной поэзии.

А.А.Горелов отметил "двоение повествовательных стихий" в создании образа Голована. Первая фиксировала "подлинность происходившего, предлагала измерению героя земной и постоянный масштаб". Вторая — изменчивая стихия могла казаться былью и при этом поражать /но и чертовать!/ ... правдоподобием суеверно-бытовых открытий" [5, с. 245, 246]. Далее Горелов совершенно справедливо подчеркнул, что поэтическая стихия "Несмертельного Голована" была способна к "идеализирующе-героическим взлетам", вознесившим героя "на верх величия народного" [8, т. 6, с. 367]. И в "Неупиваемой Чаше" образ Ильи Шаронова воссоздан в поэтическом стилевом ключе и так же, как лесковский герой, вознесен "на верх величия народного".

Идея бессмертия великого духа героев символизировала веру авторов в торжество положительных жизненных начал.

Предметом изображения в поэтической прозе обычно является идеальная сторона реального. Во многом поэтическая проза восходит и соприкасается с романтизмом.

Обращение писателей-реалистов на разломе эпох к поэтической прозе сопоставимо с активизацией романтической тенденции в этот период, что, в свою очередь, вело к поиску новых методов исследования человека и мира.

1. Балашов Н.И. Элементы "стихотворения в прозе" у Льва Толстого в 1850-60-е годы //Славянские литературы: VIII Международный съезд славистов. М., 1978. 2. Балашов Н.И. Бертран и стихотворения в прозе //Бертран Алоизис. Гаспар из тьмы. М., 1981. 3. Балашов Н.И. Стиль ритмической прозы Тургенева в свете автопереводов //Славянские литературы: IX Международный съезд славистов. М., 1983. 4. Белый Андрей. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934. 5. Горелов А.А. Н.С.Лесков и чародная культура. Л., 1988. 6. Жовтис А. Границы свободного стиха // Встр. литературы. 1966. № 3. 7. Зельджейн-Деак. Стихотворения в прозе И.С.Тургенева: К проблеме жанра // Рус. литература. 1990. № 2. 8. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: В II т. М., 1956-1958. 9. Сильман Тамара. Заметки о лирике. Л., 1977. 10. Шмелев И.С. Избранное. М., 1989. 11. Рукописи не горят...: Из антологии русской прозы XX века /Сост. и авт. предисл.

Олег Михайлов. М., 1990. 12. Э й х е н б а у м Б. Лев Толстой: Семидесятые годы. Л., 1974.

Стаття надійшла до редколегії 12.II.90

S u m m a r y

The genre originality of the "Country" by Bunin appears as a synthesis of traditional and new traits. The epic, historic and civic characters bind the narrative with the traditions of the classics. Their renovation is embodied in intensification of personality source, associativeness and segment structure of narration.

И.Д.А л ь б е р т, доц.,
Львовский университет

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОВЕСТИ И.А.БУНИНА "ДЕРЕВНЯ"

Проблема жанра, его природы и разновидностей, жанрообразования, типологии, эволюции жанров и стилей, привлекает постоянное внимание литературоведов [10; 15; 16; 17 и др.]. Есть немалые успехи в изучении этих вопросов, однако трудные и спорные проблемы существуют, что особенно касается жанра повести, ввиду его промежуточности, "гибридности" /между романом и рассказом/. Повесть в начале века интенсивно вовлекалась в процессы жанрового обновления и взаимодействия. Все это определяет целесообразность изучения тех или иных образцов этого жанра.

Анализ повести Бунина "Деревня" в аспекте жанровой специфики оправдывается не только этапным значением этого произведения и для писателя и в развитии реализма начала века; данный аспект представляется, кроме того, наиболее сложным, рождающим спорные суждения. Притом исходным в настоящем анализе служит отношение к жанру как типу художественной системы, попытка учесть его целостность и взаимосвязанность всех элементов, из которых в качестве главных выделяются идейный замысел, сюжетно-композиционная основа, характеры, образность.

© Альберт И.Д., 1993